

Из лингвистических архивов

А.А. Реформатский

Александр Сергеевич Орлов Публикация и вступление М.А. Реформатской

Воспоминания об университетском учителе автора, историке древнерусской литературы. Даны подробности московского быта начала 1920-х годов. Сделана попытка воспроизвести разговорную речь А.С. Орлова.

Ключевые слова: Историко-филологический факультет Московского университета в начале 1920-х годов; работы по упорядочению орфографии в 1930-е годы; отношение А.С. Орлова к Д.Н. Ушакову, Н.К. Пиксанову и С.П. Обнорскому.

От публикатора

Александр Александрович Реформатский осознавал себя укорененным в жизни, культуре, науке благодаря присущему ему чувству связи поколений – учителей с учениками. Оно ярко отразилось в серии его очерков об учителях гимназической и университетской поры. Он не предназначал их для печати, не шлифовал, не подвергал автоцензуре, словом, писал как Бог на душу положит, перемежая серьезное с потешным, литературно дозволенное с ненормативным: только бы не упустить живые детали, позволяющие восстановить обстановку общения с многими колоритными и милыми его сердцу людьми. Надеюсь, что и читателям этой книги будет любопытно познакомиться с воспоминаниями об одном из его учителей А.С. Орлове, «незабвенном учителе, чудаке и остролове».

М. А. Реформатская

* * *

Среди моих университетских учителей особое место занимает Александр Сергеевич Орлов, человек очень талантливый и zelo примечательный. В молодости был, судя по рассказам, большим донжуаном и успех имел. А про его женитьбу рассказывал мне Дмитрий Николаевич Ушаков так. Дочь очень богатого купца, Мария Митрофановна, решила выйти за Орлова. Это был скандал и sui генерис «мезальянс» в купеческом доме. Дочь все же сломила сопротивление

отца. Тогда он повез ее в Рогожскую бить поклоны. Дочь бьет, а отца спрашивает другой туз: «Митрофан, чего дочь тиранить, аль грехи?» – «Нет, замуж выдаю...» – «Чем торгует?» – «Нет, студент!» – «Ох, плохи твои дела, Митрофан!» А «студент-то» вышел в академики!

Но донжуанской карьере положила конец черная оспа, которой он переболел в 1919 году. Рябины – рябинами, но, главное, – нос: он стал огромен и весь изрыт оспой (позднее, в годы, когда Орлов был уже академиком, ему сделали какую-то хитрую ринопластику, и «подправили» нос-то!)

* * *

Я познакомился с Александром Сергеевичем уже после оспы, когда я с 1920 года стал «бешено» заниматься в университете, навёрстывая упущенное в 1918-1919 гг. Я много слушал Орлова, работал у него в семинариях, сдавал ему палеографию и народную словесность, а семинарий был по курсу древнерусской литературы. Вот тут-то я и подружился с Александром Сергеевичем. Занимались мы «на антресолях», куда попадали по деревянной лесенке времен Грановского и Шевырева. Было и уютно, и интересно, и непринужденно. Поражал иной раз Орлов своими «увертюрами». Так однажды начал он с рассказа, как его и брата Серегу нянька мыла в корытце... Мы сперва обалдели, а потом поняли, как хитро А.С. подвел нас под одну манеру описания, что мы дальше и разбирали на семинарии.

У меня была тема об источниках повести XVIII века о Ярополе – забавной сюите из авантурных звеньев. А.С. толкнул меня на «1001 ночь», и я через него познакомился с этой замечательной штукой. Приходилось мне по работе заходить к нему в развалюгу у Дорогомилевского моста. Я не знаю, где в это время была Марья Митрофановна, но дома творилось у Орлова нечто невероятное: он был с утра «на парах», в подштанниках, сверх рубахи – пальто и на босу ногу шлепанцы. Нужные мне книги он искал... в бельевой корзине, где вместе с грязным бельем лежали рукописи и книги. Увидав меня, Александр Сергеевич начал экс-абрупто: «Вот, Дашка-то – молодец! Пришли к Сереге в его полуподвал, искать самогон, а Сергей трубки-то успел спрятать, ну, а Дашка-то жопой в нишу. А там у них и стояли бутылки-то. Так эти аспиды ничего не увидели. А все Дашкина жопа – ух, здорова!» Если бы я просто был студент и всё, то я бы из этого монолога ничего не понял, но я был знаком с братом А.С., профессором гигиены Московского университета, жившим в полуподвале в клинических зданиях на Царицынской (ныне Пироговской) улице, а «подругой» его была служительница Дарья. Они ловко гнали из денатуры водку, а мы были их клиентами по этой

части. Вот поэтому-то я не выпялил бельмы, а с интересом прослушал колоритный рассказ Александра Сергеевича и еще раз понял, какой он рассказчик, в чем убеждался много раз и впоследствии.

Когда я прочитал свой доклад о Ярополе, Орлов был очень доволен и мне, студенту, подарил свои книжки «Катырева Ростовского» и «Воинскую повесть»¹, которые я свято храню с его надписями.

Слышал я блестящие доклады Александра Сергеевича в Обществе любителей российской словесности и в ГАХНе, где он брал, допустим, Летопись и показывал, что это в отдельных местах настоящая поэзия, обладающая своей, особой поэтикой, которую Орлов мастерски описывал и показывал в своих выступлениях.

В начале 30-х годов А.С. Орлов был директором Музея книги, документа и письма и приезжал в Москву, которую он покинул после избрания в академики, в научно – исследовательский институт ОГИЗа, где я в то время работал. Был он тогда толков, но хитер, а в более простом кругу, вроде меня, озоровал неподражаемо. Высказывал он такое мнение об «Анне Карениной»: «Вот писал Лев Толстой там про охоту, да про Наполеонов разных – и как здорово выходило, а тут (в «Анне Карениной») такой французский блядун развел, что и не узнать его!»

Интереснее у нас были встречи во второй половине 30-х годов, когда работали две орфографические комиссии: одна в Ленинграде при Академии наук (Обнорский, Щерба, Бархударов, Филиппов, Чернышов, Ляпунова, Истрина, Ляпунов), другая в Москве, при Ученом комитете Наркомпресса (Ушаков, Аванесов, Реформатский, Сергиевский, Сухотин, Шапиро). В 1936 году по обоюдному желанию была организована объединительная сессия в Ленинграде в «Де-Сьянс», как говорил А.С. Орлов (откуда и я эту номенклатуру подхватил).

Когда мы приехали в Питер – Ушаков, Сухотин и я – нас встречал на перроне сам председатель А.С. Орлов! Он был в белом картузе, как мороженщики носят, и в долгополом пальто: вид – комический. Повез он нас в Дом ученых (тогда это было приличное заведение с отдельными номерами и прекрасным рестораном, не то что теперь – этот Дом престарелых пердунов, без умывальников и ресторанов), сам сел рядом с шофером, а мы – сзади. И вот на Невском в течении беседы он оборачивается и говорит: «Дай только волю Сергею Петрову (это – Обнорский), он и ЖОПУ прикажет писать через Ё: ЖЁПА. Как красиво!»

Любопытно, что спустя 18 лет Л.А. Булаховский, услав Татьяну Даниловну из своих антресолей на даче (где мы с А.А. Белецким были у них в гостях), рассказал мне эту «новинку»! До чего же я смеялся, да и Леонид Арсеньевич тоже, когда я сказал ему, что был живым свидетелем этого «жепного» случая!

Александр Сергеевич был председателем этой объединенной сессии. Председательствовал он очень своеобразно: по преимуществу – спал! Но во время мог дать слово следующему и удивительно толково подводил итоги. А спал-то и с храпом! Говорят, что Орлов не мог спать на заседаниях только под отвратительно скрипучий голос Н.К. Писанова (которого А. С. звал не иначе, как «Пиксафон»). Тут дремлющий председатель начинал обычно довольно громко материться, а на увещания близсидящих, что де слышно все, и Николай Кирьякович может услышать, отвечал: «Пускай услышит, так ему, мудаку, и надо!»

Во время сессии было много примечательного. Постоянно пикировались Щерба и Чернышов. Щерба за глаза называл Василия Ильича «учитель церковно-приходского училища», а Чернышов – Льва Владимировича «барин с фантазией». Они математически «исключали» друг друга.

А с Борисом Михайловичем Ляпуновым были такие эпизоды. Меня представили ему в первый же день. Борис Михайлович спросил: «А не Александра ли Николаевича сынок будете?» – «Да, Борис Михайлович». Далее шли воспоминания казанских и других времен и вдруг: «А что папенька-то: жив али помер?» – «Жив, Борис Михайлович». – «Вот и хорошо!». И каждый день, встречаясь, Борис Михайлович спрашивал: «А что папенька-то: жив али помер?» В одно из заседаний пришел Борис Михайлович с подвязанной щекой и как всегда две пары очков, а места уже за столом и нет! Стол стоял перпендикулярно к окну, выходившему на Петропавловскую крепость. Окно было открыто внутрь, а это огромное зеркальное стекло. Обойдя стол до окна, решил пройти между окном и столом на другую сторону, а окна-то и не заметил! И тыкается в него, как бабочка на лампу. Поняв же, я быстро встал на четвереньки и шмыг под окно! Сзади его подхватил Абрам Борисович Шапиро, а «принимал» его я. Борис Михайлович приблизил свои глаза к моему лицу и говорит: «Никак Ляксан Ляксаныч? А что папенька-то: жив али помер?»!

На последнем заседании шла речь об орфографических случаях с *ц* и шипящими и стоящим рядом с ними гласными. Щерба привел пример, не подходящий под выработанное правило: «муха-цокотуха». Борис Михайлович сейчас же подал реплику: «А комар – пискун». Когда же зашла речь о написании шипящих в глаголах, то Борис Михайлович мечтательно заметил: «А в старину-то писали «ж»: ЕЖЬ». Орлов ему резонно заметил: «Борис Михайлович! Да ведь последними-то так писали Кирилл и Мефодий!»

Сессия прошла очень удачно. Орлов нас, москвичей, всячески поддерживал: уж очень ему хотелось отомстить «Сергею Петрову» за ЖЁПУ!

В Москве на каком-то отчетном собрании Гуманитарной секции АН СССР Орлов еще раз нахваливал нас в пику официальной части АН, а в кулуарах рассуждал так: «Вот, как это у лингвистов зовется: «выветривание семантики», что ли? Так вот и тут: мы с Митькой (это Дмитрий Николаевич Ушаков, а они были однокурсники) все думали по молодости «Де-Сьянс, Де-Сьянс!», а на поверку-то одни колонны остались».

Помню, заходил я как ученый секретарь к Орлову в Трубниковский, 26, где у него была московская квартира. Принимал он меня в подштанниках и в пальто, как бывало в развалюге у Дорогомилловского моста, и, конечно, под банкой! Зашел разговор об Обнорском, с кем было очень трудно работать в объединительной орфографической комиссии из-за его консерватизма, упрямства и непонимания того, что когда-то давно понимал Бодуэн де Куртенэ и прекрасно чувствовал Ушаков. А близились выборы в академики, и стояла кандидатура Обнорского. Я говорю: «А все-таки Сергей Петрович удивительно бесчут к языку!» – «Да он не бесчутый, а безмудый! Не пушу я этого мерина в кресло!» (Это речь об «академическом кресле»). Увы, Александр Сергеевич не сдержал своего слова и «пустил мерина в кресло». А я на этом «мерине» впоследствии шибко пострадал. Как-то дошел «мерин» до Обнорского, и что де это я изобрел. Обнорский долго и иезуитски мне мстил: из Орфографической комиссии выпер и вообще от орфографии меня отшил, и в Университет не пускал во время войны, когда он переехал в Москву и заведовал кафедрой в Московском Университете, хотя милейший Лев Владимирович Щерба и прилагал все усилия, чтобы меня вовлечь в Университет.

Последнее воспоминание у меня связано с Александром Сергеевичем в последний год его жизни. Он находился в Узком, уже сильно рамолизованный и больной. Ездили мы на машине с Машкой, которой было тогда лет 8. Машку представили Александру Сергеевичу, он чего-то бормотал и улыбался, а Машка потом и говорит: «Папа, а ты заметил, что у дедушки Орлова из штанов торчала рубашка?» – «Заметил». – «А это у всех академиков из прорешки торчат рубашки?»

Через несколько месяцев этот озорной, талантливый и удивительно чуткий к языку человек умер. Спасибо ему за очень многое, что я воспринял от моего учителя за 25 лет нашего знакомства!

10–11 апреля 1960.

Примечания

¹ Имеется в виду: Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI-XVII вв. СПб., 1909; Орлов А.С. Повесть Катыева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сборник в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. (прим. ред.).